

Анри Мартен

ИНКВИЗИТОР И АКУНИН

(Из книги [«Так поступай, и будешь жить»](#))

Инквизитор это я. А замечательный писатель Б. Акунин подпал под осуждение моего личного инквизиционного трибунала следующим образом.

Когда впервые мне попаласть восторженная рецензия на новомодного писателя Б. Акунина, она меня не столько воодушевила, сколько насторожила.

Меня, как очень многих, реклама раздражает, но это вовсе не является защитой от ее воздействия. Так и теперь: едва увидев у знакомых своеобразно оформленную книжку «Б. Акунин. Турецкий гамбит», я тут же стал ее читать. Текст мне понравился, но не понравилась завязка. Героиня, если помните, столичная барышня, отправляется из романтических побуждений на русско-турецкий фронт, и в результате попадает в прескверную ситуацию в каком-то болгарском захолустье.

Не люблю, когда приключения начинаются потому, что человек сам себе их ищет. От капитана Гаттераса и до Петьки из катаевского «Белеет парус одинокий» герои, сами лезущие на рожон, не вызывают моего сочувствия. Едва на полюсе не замерз и тронулся умом? — Вольно же было тебе лезть на полюс, гулял бы себе по Пикадилли! Едва тебя жандармы с революционерами не подстрелили? — Так нечего было по помойкам шарить со всяким босячьём, ходил бы чинно в свою гимназию!.. Ну, и так далее.

Другое дело Джим из «Острова сокровищ» или тот же Гарри Поттер. Ни один и ни другой совершенно не искали себе никаких приключений, больше всего они хотели жить спокойно, как все нормальные люди — того же самого хочу и я, — а приключения сами нежданно сваливались на них, затягивали, как смерч или водоворот.

Вот тут и выяснялось, кто чего стоит, и на проверку вышли они героями почище упряма Гаттераса или мягкотелого Петьки, которым Гаврик, как хотел, так и вертел (и девушку в дальнейшем отобрал, см. «Хуторок в степи», а впрочем, чего туда см.!).

Словом, вы поняли: по-моему, герою подобает принимать вызовы судьбы, а не самому бросаться вызовами. Герой не хулиган и не забияка. Он не ищет приключений, он их *встречает*. Герои у Гомера вовсе приключений не искали, ни Гектор, ни Ахилл, ни Одиссей, напротив, старались, как могли, от них отделаться.

Или, как это великолепно выражено у Архилоха:

*Сердце, сердце, грозным строем
Стали беды пред тобою.
Поднимись, и встретить их смело,
И сраженье дай судьбе!*

«Вот именно: *судьба* напала — дай сраженье. А не бегай по сомнительным болгарским харчевням за женихом, который тебя не звал, не ждал и не обрадовался. Книжку я отложил.

Сколько-то времени спустя увидел я эту же книжку у своего друга, который обычно не читает детективов, и удивленно спросил:

— Что, это тебе нравится?

— Да так, интересно было посмотреть. Ты знаешь, «Акунин» это ведь псевдоним! На самом деле он Чхартишвили.

— Вах! — подпрыгнул я на месте. — Чхартишвили! Грузин, слуши! — во мне разыграл патриотизм. В Грузии родился я и вырос, и мне она родная, невзирая на французскую фамилию и на то, что с детства числил себя русским. Я стал читать.

И не пожалел! Рецензии ни капельки не преувеличивали: действительно, захватывающе интересно. Что за коллизии, что за изобретательность, что за изысканная тонкость деталей!

Вот например, в «Левиафане», который, сколько помню, был под одной обложкой с «Гамбитом»,

в эпитафии стоит якобы заметка из парижской криминальной хроники, и подписана она: «Жорж Дюруа». Но это же мопассанов «Милый друг»! Это он как раз в ту пору пробавлялся криминальной хроникой во «Французской жизни»! Как хотите, а меня такие вот тонкости приводят в восторг.

Но не только. Они рассыпаны по тексту не сами по себе, для украшения, но помогают создавать ту атмосферу достоверности, о которой мечтали романисты со времен Дюма: не просто вставить вымышленные события в реальную канву, так, чтобы они выглядели органично, а не торчали диссонансом, но и представляли собой якобы подлинное объяснение действительных событий.

«Железная маска»? — Пожалуйста, это был брат-близнец короля Луи XIV. А почему не стали англичане воевать с французами из-за Ля Рошели? — Да потому, что д'Артаньян доставил вовремя из Лондона подвески королевы. Ну, и так далее...

Почему после Шипки русские войска не заняли Стамбула? — Потому что... Но об этом лучше прочитать в «Турецком гамбите».

После «Турецкого гамбита» я стал читать из Акунина всё, что мог найти — в интернете, разумеется, главным образом, на сайте самого Григория Шалвовича, что значит, с согласия автора, за что ему отдельное спасибо. Покупать все книги, какие хочется, мне не по средствам, тем более, что Акунин стоил значительно дороже других интересных авторов: книжки Полины Дашковой, например, можно было купить тогда рублей за пятнадцать-

двадцать, а за Акунина просили целых сорок. Нечастый случай, когда качество товара так непосредственно отражается на его цене.

Интернет не подвел. Я «скачал» и прочитал всё, что вышло к тому времени: блестящую серию про Эраста Фандорина, головокружительные приключения его потомка, сэра Николаса Фэндорайна, и наконец, редкостно трогательные и, осмелюсь вымолвить, *душеполезные* повести про сестрицу Пелагию: «Пелагия и белый бульдог», а также «Пелагия и черный монах». Третья повесть, «Пелагия и красный петух», тогда еще не вышла, и речь о ней впереди.

Душеполезными назвал я эти повести не только ради изумительного образа доброго пастыря — владыки Митрофания, выдержки из речей и поучений которого можно смело предлагать семинаристам в курсе пастырского богословия, как образец и тонкого психологизма, и подлинной возвышенной духовности.

Полезны эти повести и выразительным описанием того самого героизма, с которым Пелагия, может быть, слишком бойко, но все же именно *откликается* на вызовы судьбы, а не сама их ищет. Зато, столкнувшись, держится стойко, с мужеством, которому непременно хочется подражать, а глядя на ее пример, это не кажется вовсе невозможным.

А как вам та изобретательность, с которой автор «Черного монаха» прикончил изощренного зло-

дея при помощи вожделенных осколков от уранового метеорита, которые, как знаем теперь мы, читатели, но не мог знать злодей, конечно же, смертельно радиоактивны?..

Словом, я нетерпеливо ждал появления каждого очередного тома Б. Акунина, чтобы поскорее его «скачать», ну и доскачался. До Пелагии с красным петухом.

Литературными достоинствами эта повесть не уступает предыдущим, скорее, превосходит.

Проглядывает, правда, ставшая уже привычной схема: наиболее привлекательный поначалу персонаж оказывается в дальнейшем основным промотором злодейства. Но даже этот наработанный прием прощаешь ради виртуозных вариаций, с какими он обыгрывается от произведения к произведению, от видного полицейского чина в первых книгах и в том же «Красном петухе» до невероятно обаятельной француженки-гувернантки («Коронация»).

Коробит и описание жестокостей, которые никак не вяжутся с нашими представлениями о «бархатном» позапрошлом веке. Но лично я все же не рискнул бы слишком настаивать на точности собственных представлений об этом «бархате»: я не историк.

Как бы там ни было, достоинства повести явно перевешивают, и можно было бы перечислять их долго: это и удивительно подробные детали ремесла пароходного вора, и мимоходом воссозданный

забавный вятский диалект, и живописное воспроизведение того, «с чего начала быть земля государства Израильского», причем указаны не только корни нынешнего затянувшегося конфликта, но и способы, какими можно было бы его избежать.

Исключительно любопытны также сведения о том, как совершалось в те времена паломничество из России во Святую Землю. Но хватит о достоинствах. Под инквизиционный трибунал попадают не за них.

Гром прогремел для меня на последних страницах. Наберу дыхание, прежде чем продолжать. Ведь воспроизводить кощунство негоже даже в целях обличения. Читавшие и так все знают, а не читавшим лучше и не знать. А захотят узнать, так пусть не от меня. Все это — правильные чувства. И надобно собраться с духом, прежде чем пойти им наперекор.

Поверите ли, до последних страниц я не догадывался, о чем, вернее, о Ком велась тут речь (и это для меня еще одна значительная авторская удача как литератора).

Выведенный Акуниным персонаж никак не совпадал с тем образом Христа, который у меня сложился. Но это не упрек. Любо́й имеет право на собственное восприятие Христа, да и любого другого существа. Чем больше наши мнения не совпадают, тем больше они друг друга обогащают, ведь правда?

Борис Акунин — Григорий Чхартишвили — не верит во Христа, как в Бога, не признает Его воскресения, и что же? — Многие не верят, даже среди тех, кто признает его, как факт, «от них же первый есмь аз».

Действительно, о воскресении мы говорим, мы признаем его как реальное событие, на Пасху радостно друг друга поздравляем: «Христос воскрес!», но *признавать* и *верить* вовсе не одно и то же.

Мы признаем, что есть на свете, скажем, город Мельбурн. А верим в это или нет, узнаётся, когда придет момент купить туда билет. Или пример попроще: я верю, что хлипкий, дрожащий под ногами пешеходный мостик над бушующей рекой (так называемый «волосяной», такие мостики и ныне в Грузии не редкость) меня не сбросит в эту реку, если ступаю на него и двигаюсь, хотя бы даже и сомневался, и боялся.

А в воскресение? Не только в воскресение Христа, но и, как следствие, в мое собственное, личное? — Ну да, конечно... Но только так ли жду его я и к нему готовлюсь, как бы готовился к поездке в Мельбурн, ко свадьбе, к получению крупной суммы денег? — Да, воскресение, да-да... Но это где-то впереди, так далеко... Конечно, надо бы им посерьезнее заняться, но вот как раз сейчас мне так некогда! Чуть погода, потом — всенепременно! И так проходят годы и десятилетия, немеряно, бессмысленно...

Недаром один популярный польский священник, близкий друг Кароля Войтылы — Папы Иоанна-Павла II, произнес как-то самую короткую пасхальную проповедь.

Обращаясь к битком набитому — верующими! — храму, он сказал:

— Христос воскрес!

И, выдержав паузу, прибавил:

— Но вы в это не верите.

И все. Вот и вся проповедь.

Так что не дело упрекать неверующего писателя за то, в чем и мы сами виноваты: в неверии. Он только выразил в остроумных, филигранных образах и фразах то, что и мы сами, более-менее сознательно и добровольно, в себе лелеем.

Воскресение для человека штука неудобная. Мы не настолько ценим это наше существование, чтобы нас радовала перспектива его бесконечного продолжения.

Да, там, конечно, все по-другому, но поскольку мы, за исключением отдельных выдающихся мистиков, хоть что-то вкусивших, переживших, и представить себе толком ничего не можем, то ткань нашей души, ее привычки, навыки, инстинкты склоняют нас к невольной, неизбежной перспективе *продолжения*...

В наш век «окамененного нечувствия» не развлекает нас даже страх Страшного суда: «А что я сделал?! Не убил, не украл!!..» — кому из нас не свойственна такая вот реакция, даже самым отъяв-

ленным вора и убийцам? Ну да, украл, но тысячу, а олигархи — миллиард! Или убил, но только дюжину, а Васька Косой, знаете, сколько? — То-то же!.. Или вообще, и не убил, и не украл, а только так — слегка ругался... Словом, Страшный суд это не про нас. Вот и живем, пока живется.

Писателю Чхартишвили живется, судя по всему, совсем неплохо. Он сам это сказал в одном интервью: «Пишу я потому, что это позволяет мне жить так, как я давно хотел!».

И слава Богу, и на здоровье! Радуюсь за него от всей души — тем более, земляк.

Но очень горько было вдруг понять, что пишет он, скорее всего, действительно прежде всего поэтому. То есть ему, конечно, интересно, он с увлечением и блеском развлекается и развлекает, но всерьез при этом не относится ни к самому себе — взял псевдоним, — ни к читателю, ни к персонажам.

Псевдоним легче всего, наверное, было бы объяснить соображениями маркетинга, но это не так. Из «Алмазной колесницы» нам становится известным значение слова «акунин» (с ударением на «и»): по-японски это значит «безжалостный злодей», да не простой, а с правилами. Ну, не поверю я, что Григорий Чхартишвили не понарошку числит себя безжалостным злодеем, хоть и с правилами. Это, конечно, игра. Но игра жестокая.

Дело тут не в ребяческой обиде: «Ах, мне так понравились твои истории, я так тебя за это полю-

бил, а ты меня, оказывается, совсем не любишь, ты только развлекаешься и зарабатываешь!», — хотя, конечно, и от нее я не совсем свободен, и слава Богу!

Гораздо горше была обида за Христа. Подумать только, у Распятого, униженного, оплеванного, избитого, отобрали, играючи, даже распятие!

Уж расскажу, как это выглядит в романе. Оказывается, существуют какие-то особые пещеры, что служат дырами во времени — прием в литературе, вообще-то, вполне законный, пусть и не совсем привычный в жанре детектива (хотя, конечно, если это не детектив, а *триллер*...). Но пользуется автор таким приемом для того, чтобы провалить в эту дыру Христа.

Господь выныривает из дыры в России в девятнадцатом веке, а потом, после ряда сногшибательных опасных приключений, ныряет снова, уже из Иерусалима, назад в Свое время. А там тем временем кого-то вместо Него уже распяли... Предполагается, что это был апостол Фома Близнец, известный больше как Фома Неверующий. Выходит, что и «Близнецом» его прозвали за поразительное сходство с Господом.

Понятно, что вернувшись, Иисус воспринимается учениками, как воскресший. Непонятно, как у Него получилось инсценировать Вознесение — может, дымовую шашку из девятнадцатого столетия прихватил! Но автора такие детали уже не интересуют.

Что за невероятное презрение! Иисус, согласно Евангелиям, не пожелавший спрятаться даже за разбойника Варавву, способен был, оказывается, пусть даже невольно, оставить на распятие вместо Себя Своего близкого друга, «близнеца»...

Кто же Он после этого? — Никак не Всеведущий Бог, во всяком случае!.. И кто после этого все мы, все люди, все человечество, если на подобных недоразумениях выстраиваем нашу самую прекрасную и даже все еще самую мощную, вопреки всяким исламистским экспансиям, религию? — самую мощную, потому что и сегодня на земле одних католиков больше миллиарда, полмиллиарда протестантов, сотни миллионов православных... Все вместе мы пока что посильней ислама.

Вот только основания у нашей веры, получается, того... нелепо фантастические. Тот же Магомет в пещере только спал, и свой Коран увидел там во сне, но ни в какие дыры не проваливался.

Выходит, все, чем так гордится человечество: готический собор, музыка Баха, рублевская икона, творчество Достоевского, а также то, чем человечество так охотно пользуется, не часто вспоминая, откуда это все взялось: доступные больницы, общественное призрение, благотворительность поистине промышленных масштабов — на нее в мире ежегодно расходуются многие сотни миллиардов, включая помощь слаборазвитым странам и жертвам стихийных бедствий, — ведь это все пришло в наш мир только вместе с христианством! Ни Це-

зарь и ни Август никаких гуманитарных караванов эфиопам не посылали!

А рабство! Когда бы не Христос над нами воцарился, а правила по-прежнему судьба, то так и жили бы, кому какая выпала: свободному свободным, рабу рабом. Только после Христа мы стали понимать, и то не сразу, и далеко не все (и не во всём), что нельзя, недопустимо пользоваться человеком-личностью, словно предметом.

И даже самого понятия такого: «личность», в античности не знали (язычники, что новые, что традиционные, не знают и теперь)¹. В античности была не личность, а «персона», т. е. «образ», «облик», то, что видно снаружи; не личностью был человек, а лишь «субъектом» — от лат. *subjectum*, «подлежащее», что значит: точка приложения внешних сил, то, что *подлежит* воздействию. И прилагали, как умели, и продолжаем прилагать... Но все-таки про личность помним, особенно, конечно, про свою.

И вот выходит по Акунину, что это все у нас возникло просто потому, что кто-то когда-то где-то что-то перепутал... Но только путаницы, верно, для создания мировой религии было бы маловато. Злодеи тоже ручку приложили, себе на пользу, разумеется.

---

¹Этой теме, личность и античность, был посвящен блестящий публичный доклад А. Ф. Лосева, который мне посчастливилось услышать в конце 80-х.

Вот возвышается в романе зловещая, прямо-таки inferнальная фигура обер-прокурора Синода Константина Петровича Победоносцева, и даже прямо воспроизводится коллизия с Великим Инквизитором у Достоевского.

Но боюсь, что Константина Петровича автор попросту оболгал. Был тот «министром религиозных дел», конечно же, суровым, жестким и даже, может быть, жестоким, но вот злодеем он определенно не был. Воля ваша, не могу поверить, чтобы злодей потратил столько сил на перевод великолепной книги «О подражании Христу», этого подлинного бестселлера духовной литературы, который много веков уверенно превосходил суммарным тиражом все прочие издания на земле, за исключением одной лишь Библии (возможно, превосходит до сих пор, при наших-то ничтожных тиражах). Так вот, Победоносцев эту книгу со средневековой латыни перевел, и перевел для своего времени блестяще (а в наше время такие переводы и вовсе вряд ли кому по силам).

Но в сторону злодеев. Куда обиднее не за злодеев, а за святых. Франциск Ассизский, Серафим Саровский, Кому они служили, Кому свои жизни посвящали, Кого любили, и ради Кого любили даже нас, убогих?.. («Радость моя», — говорил каждому из нас св. Серафим Саровский, потому что действительно провидел за каждым нашим личным безобразиями священный образ и подобие в Духе Святом, Духе радости, и потому и вправду радовался). Так от Кого и ради Кого все это было,

ради какого-то кудесника-экстрасенса, колдуна?.. И неземная, потому что подлинно духовная, мудрость и проникновенность владыки Митрофания из самого романа, тоже, выходит, из этого нечистого источника? — Нет, невозможно! Да не будет!

Мой личный инквизиционный трибунал вынес обвинительный вердикт. Во исполнение его все книги Б. Акунина со своего компьютера я стер. Будь они не в электронном виде, а на бумаге, я бы их сжег. А живи я в пятнадцатом веке, сжег бы, несомненно, вместе с автором.

...К большому счастью, мы живем не в пятнадцатом веке. К великому счастью, Всевышний отобрал у нас возможность совершения таких необратимых действий.

Время прошло, и на хард-диске моего компьютера снова появились произведения Акунина. Дело не в том, что со временем страсти улеглись, а любопытство возросло. Страсти страстями, а решение я принимал вполне сознательно, и, смею думать, держался бы его даже вопреки любопытству, что же там нового Акунин написал?

Решением своим я не пренебрегал, я его отметил. И побудили меня к этому две чудных женщины, реальная и вымышленная.

Реальная это святая Жанна д'Арк — она канонизирована Католической Церковью около ста лет назад, память 30 мая. А за пятьсот лет до этого ее сожгли.

...Люди людей жгли на земле задолго до Христа и еще долго после (жгут и сейчас). Жгли нехристи и христиане, но, хоть это и не оправдание, христиане все-таки первыми из всех на свете жечь перестали (остальные так или иначе продолжают). Думаю, во многом тут помог (мне лично безусловно) пример святой Жанны д'Арк. Глядя на ее костер, не можешь не понять, что сколько ни оправдывай себя, сжигая колдунов и ведьм, кощунников и богохульцев, но это, тем не менее, чудовищно.

А оправданий море! Это Вольтеру хорошо было возмущаться «бессмысленными жестокостями», потому что он не верил в колдовство; а если веришь? Если убежден, что вот он перед тобой, враг рода человеческого, который насылает порчу и саранчу, болезни и землетрясения? Что с ним прикажешь делать, да еще в пятнадцатом веке, когда жгли даже за подделку документов (представляете?), а фальшивомонетчиков варили в кипящем масле? — и ведь не жалко было масла...

Но глядя на костер Жанны д'Арк, ради нее готов отпустить с миром и фальшивомонетчика. А осознав, что жечь нехорошо, рано или поздно приходишь к пониманию, что и стирать с компьютера — неправильно (если, конечно, в осуждение, а не просто потому, что текст неинтересный). Это одно.

А во-вторых, женщина вымышленная. Это, конечно же, сама сестрица Пелагия.

Сравнив свои переживания с тем, что *она* должна была почувствовать, обнаружив, кому на самом

деле принесла свои обеты, всю свою жизнь и всю свою любовь, я устыдился и восхитился (уже в который раз!) одновременно. Ведь то, что ей открылось, не чета моим литературным разочарованиям! С ней ведь произошла полная, всецелая жизненная катастрофа — она любила *не того!* И что же? Сожгла его в костре своих проклятий, повесилась, утопла в Тивериадском озере, стерла Евангелие со своего компьютера? — Как бы не так!

Отдав свою любовь, она назад ее не отбирает, кем бы ни оказался ее избранник, пусть это не Бог-Иисус, а добрый чудацк-чудотворец Мануйла!

Если другого Христа на свете нет, пойду за этим — вот ее единственный и великолепный в своей героической простоте ответ: «Я ведь Христова невеста, за кем же мне идти, если не за Ним?»

И Пелагия ныряет вслед за «Мануйлой» в таинственную пещеру с красным петухом под мышкой.

Как я теперь понимаю, книга, в общем-то, не о том, был ли Христос настоящим Богом, но о том, что Пелагия оказалась настоящим человеком.

Собственно, так и должно быть. Человек пишет книги о человеке. Книга о Боге давно уже написана. И у Акунина речь не о Боге, о человеке, вернее даже, речь Бога к человеку — не Откровение, конечно, а просто если без воли Божией у человека и волос с головы не упадет (ср. Лк 21,18), то и Акунин, ясный корень, романа не напишет!

Через Акунина Бог словно задал нам вопрос, который так часто задают любящие в книгах и не в

книгах: ты меня любишь, потому что я принц (чемпион, рок-стар, миллионер)...

Но любишь ли ты меня самого, а не мое положение? Будешь ли ты меня любить, если я утрачу королевство, титул, чемпионство, деньги, популярность? Будешь ли ты Меня любить, если я окажусь не Богом, а человеком? И Пелагия этот экзамен выдержала. А я, выходит, нет.

Только и утешаться, что не я первый провалился. Этот вопрос впервые прозвучал еще с Креста, и прозвучал куда более грозно: любишь ли ты Меня, если Я не Бог, а труп?

Из апостолов экзамена не сдал почти никто: у Креста вместо них стояла Магдалина.

Кто это была на самом деле? — Что ж, Акунин охотно нам дает подсказку, настойчиво напоминая, что Пелагия была рыжая...